

Анищенко М.Г., доцент кафедры ИФЛИ

*Деформация традиционного синтаксиса в драме абсурда и
современной риторике*

Языковые эксперименты абсурдистов со всей очевидностью демонстрируют отвержение болезненно правдивой репрезентации мира, предложенной классической словесностью. В традиционной психологической литературе слово являлось средством рефлексивного самоописания, языковая техника основывалась на безусловном доверии слову автора, выражающего один из вариантов истины человеческого. Принципиальная непознаваемость истины насилия и боли, по мысли абсурдистов, нуждается во внерациональном антропоморфном языке, не скованном риторикой и напрямую транслирующем идею бессмысленной жестокости и страдания, не формулируемого в пышных метафорах и отточенных сравнениях.

Классическая культура демонстрировала интерес к событиям мысли, абсурд – к событиям языка. Слова в драме абсурда творятся часто без какой-либо связи с сознанием. Чувство принадлежности к реальности или какой-либо данности ее подразумевающей создается с помощью риторических протезов: персонажи не мыслят, они поставлены в ситуацию, когда следует срочно решать задачи говорения, а не существования. Подобное является реакцией или на самую реальность, или на то, что ее в данный момент замещает – очередную маску, под которой скрывается что-то или кто-то. Возможно, повседневность, немая и не знающая, как и во что себя оформить, возможно, одна из проекций Бога, не знающего, допущен ли он в мир.

Абсурд разоблачает субъектное мышление с его пристрастием к неисцелимой боли, демонстрирует ложность эффекта индивидуальной жертвенности, фиксирует симптоматику деиндивидуализированности. Уничтожая абстракции философского тезауруса и метафорические

изыщества, абсурд утверждает, что сама выверенная грамматика и структурированный синтаксис языка культуры превращают проблему существования в плоскую банальность, в набор упорядоченных искусственных знаков, имеющих лишь косвенное отношение к проблеме человека.

Синтаксические структуры отражают новое видение деформирующейся на глазах реальности. У абсурдистов не встречаются синтаксические формы предшествующей культуры—длинные и ориентированные на оригинальность пассажи Жироду и Клоделя, вычурные риторические периоды Монтерлана, они также отказываются от изощренной практики словоупотребления Селина или Кено. Абсурдисты упрощают синтаксис: предложения делаются короткими, исчезает подчинительная связь, каузативные частицы («таким образом», «так как», «потому что» и т.д.). Существование, подвергнутое деформации и коррозии, алогичное и фрагментарное, не может быть выражено с помощью причинно-следственных, структурно-упорядочивающих элементов.

Абсурдисты осознают все многообразие функций языка, которые не исчерпываются идеологией, политикой или бытом. Именно абсурдисты одними из первых поняли феномен языка как способа артикуляции призывов к осуществлению социальной мечты, обнаружили возрастающее влияние средств массовой информации и рекламы на повседневную жизнь и формирование новых моделей поведения. О смене парадигм пользования языком позже драматургов-абсурдистов размышлял в книге «Общество потребления» Жан Бодрийяр: «Начиная с момента, когда язык вместо того, чтобы быть переносчиком смысла, наполняется коннотациями принадлежности, превращается в лексику группы, становится принадлежностью класса или касты (стиль “сноб”, интеллектуальный жаргон, политический жаргон партии или группки), начиная с момента, когда язык, *средство обмена*, становится *материалом обмена*... начиная с момента, когда вместо того, чтобы заставить циркулировать смысл, он

циркулирует сам собой, как пароль, как пропуск в процессе тавтологии группы (группа говорит сама с собой), тогда язык оказывается объектом потребления, фетишем»¹.

Буквально на глазах драматургов рекламный дискурс превращается в общественную норму. В этой ситуации, когда использование людьми слоганов и речевых клише истощает привычную коммуникацию, можно протестовать, негодовать в эстетике патетической обреченности героических одиночек, но абсурдисты видят более действенный путь: в их произведениях слова, рядясь и сродняясь со знаками повседневности, становятся орудиями семантической войны с традиционными смыслами. Эту «войну» абсурдисты отражают особенно остро, поскольку для многих из них – Беккета, Адамова, Ионеско, Аррабаля – французский язык не является родным, они овладели им уже в сознательном возрасте. Отчасти именно эта языковая "остраненность" позволила драматургам быть особенно внимательными к появлению речевых шаблонов и банальностей рекламы, которые в скором времени заявят свои права на статус истинного современного французского.

Отмеченные аспекты игровых форм репрезентации реальности в языке, критика языковой утопии традиционалистов (рецепция феномена дистанцированности классического дискурса от повседневности и его узурпация прав на язык как на нечто самостоятельное и эмансипированное от мира); факт эксплуатации языка средствами массовой культуры, поиски новой языковой реальности, снимающей чуждость слова миру; ощущение факта перевода языка из пространства культуры в средство описания промежуточного явления между культурой и обыденностью и многие другие отмеченные нами причины побудили абсурдистов к языковому эксперименту.

¹*Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Культурная революция; Республика, 2006. С. 163.